

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.131.1-1(Данте А.):821.111(73). ББК Ш33(4Ита)-4,8-445+Ш33(7Сое).
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

ДАНТЕ В АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Якушкина Т. В.

Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8280-531X>

А н н о т а ц и я. Тема «Данте в афроамериканской литературе» как одна из тем современной дантологии разработана в трудах американского итальяниста Д. Луни. Данная статья построена как критическое переосмысление его концепции и собранных им примеров. Автор статьи отрицает не только стремление исследователя представить Данте заметной фигурой в процессе становления идентичности афроамериканцев, но и факт наличия самой традиции обращения черных авторов к Данте, по крайней мере, вплоть до середины XX в. Т. Якушкина утверждает, что, во-первых, малочисленность имеющихся примеров и отсутствие преемственности между ними не позволяют говорить о двухвековой традиции, во-вторых, у примеров XIX – первой половины XX вв. другая логика, которая соответствует не столько политическим процессам в американском обществе, сколько истории развития самой афроамериканской литературы. Обращение к имени Данте и использование аллюзий – это художественные приемы. Свобода в оперировании ими появляется только с середины XX в., когда черная литература преодолела свое отставание от белого мейнстрима и перешла на качественно иной уровень развития. В образе дантовского ада афроамериканские писатели (Р. Эллисон, А. Барака) нашли материал для решения своих расово-культурных проблем. Встраивание афроамериканской литературы в постмодернистскую гуманитарную парадигму в 1980-е гг. привело не только к расширению палитры интертекстуальных техник в использовании дантовского «Ада», но и к возможности увидеть сквозь призму проблем черной самобытности и ассимиляционизма общечеловеческие проблемы современного буржуазного мира (Г. Нейлор). Меняется и отношение к имени Данте: он нужен не для того, чтобы получить доступ к западной культуре, но как способ ее отрицания и декларации своей культурной самобытности.

Для современной афроамериканской культуры, развивающейся в общей динамике с западной культурой, характерно перемещение Данте из литературы в сферу искусства – джаз и творчество рэперов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: афроамериканская литература; афроамериканские писатели; литературное творчество; литературные жанры; итальянская литература; итальянская поэзия; итальянские поэты; восприятие Данте; интертекстуальность

Д л я ц и т и р о в а н и я: Якушкина, Т. В. Данте в афроамериканской литературе / Т. В. Якушкина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Том 27, № 2. – С. 186–199.

DANTE IN AFRICAN AMERICAN LITERATURE

Tatiana V. Yakushkina

Saint Petersburg State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8280-531X>

Abstract. *Dante in African American Literature* as a theme of Dante studies has been developed by the American scholar of Italian literature Dennis Looney. The article is written as a critical rethinking of Looney's book and articles, in particular his concept and the examples he had collected. The author of the article denies the idea thoroughly elaborated by the American scholar that Dante was a notable figure in the process of the development of African American identity, as well as the fact that there was a tradition of African American study of Dante and his "Divine Comedy", at least until the middle of the 20th century. T. Yakushkina argues that, firstly, a small number of examples in the 19th and the first half of the 20th century, without continuity or consistency among them, does not allow talking about a two-century-long tradition. Secondly, the examples have a different logic which correlates not with political processes in American society but with the development of African American literature itself. Parallels with Dante's name and allusions to his *Commedia* should be interpreted as artistic, not political, devices. One can observe the creative ease in using them only from the middle of the 20th century, when black literature overcame its lag behind the white mainstream and moved to a qualitatively new level of its development. In Dante's *Inferno* African American writers found the material for solving their racial and cultural problems (Ralph W. Ellison, Amiri Baraka). In the 1980s, when African American Literature was built in the post-modern paradigm, Dante's *Inferno* provoked the expansion of intertextual techniques along with the intention to see through the prism of the problems of black identity and assimilationism common human problems of the modern bourgeois world (G. Naylor). In addition, in the second half of the century, African American writers demonstrated a new attitude to Dante's name. They used it not to get an access to the western culture but to reject it and proclaim their cultural identity.

For modern African American culture, which is developing in a common dynamics with Western culture, it is characteristic to transfer Dante from literature to jazz and creative practices of rappers.

Keywords: African American literature; African American writers; literary creative activity; literary genres; Italian literature; Italian poetry; Italian poets; perception of Dante; intertextuality

For citation: Yakushkina, T. V. (2022). Dante in African American Literature. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 2, pp. 186–199.

Введение

Дантология давно испытывает кризис новизны. За 700 лет, отделяющие нас от смерти Данте, прокомментировано практически каждое его слово, изучено каждое событие или имя, имеющие к нему отношение. Не случайно с конца XIX в. основным направлением дантологии становится изучение рецепции поэта в иных культурах. Американская литература в этом отношении – не исключение. Активное освоение ею имени Данте относится к середине XIX в., когда, несмотря на уже существующие полные переводы «Божественной комедии» на английский язык (Г. Бойд, 1802 и Г. Ф. Кери, 1805–1814), американцы сделали свой (Г. Лонгфелло, 1867). Контекст, в котором он возникает – культурное противостояние с Англией, как и сам перевод, выполненный не в «английской» традиции, ориентированной на эпопею Мильтона и его строку, а терцинами, свидетельствовал о желании американцев самостоятельно – без английского

посредничества – обратиться к духовному наследию Старого Света [Лебедева 1996]. Американскими романтиками середины XIX в. была заложена традиция изучения Данте в США. Ее этапы и особенности хорошо осмыслены в науке [La Piana 1973; Cambon 2000; Audah 2012; Matthews 2012].

На этом фоне работы Денниса Луни, посвященные восприятию Данте в афроамериканской литературе, стали заметным событием – Луни удалось открыть то, что еще не попадало в поле зрения ни мировой, ни американской дантологии. Результатом его изысканий стали монография «Читатели свободы: восприятие Данте и „Божественной комедии“ афроамериканцами» и статьи, тиражирующие ее основные идеи [Looney 2011, 2012, 2016, 2017].

Книга вызвала широкий резонанс в американской критике. Рецензенты были практически единодушны, отмечая, с одной стороны, основательность автора в изучении темы – им собраны примеры использования имени Дан-

те афроамериканскими писателями от начала XIX и до начала XXI вв., с другой, – с удивлением и воодушевлением подчеркивая вслед за Луни тесную связь рецепции Данте в США с политической историей страны. Неоднократно было отмечено, что многие тексты, использованные Луни (за исключением стихотворения К. Рэй), хорошо осмыслены американской критикой в контексте афроамериканской литературы, однако никто до Луни не пробовал выстроить их в некую традицию усвоения Данте афроамериканцами. Ее наличие придало исследованию американского италяниста (Луни – член Дантовского общества Америки) определенную сенсационность и объединило в восторженных оценках, несмотря на ряд отмеченных недостатков, всех: и специалистов по американской и – отдельно – афроамериканской литературе, и американских италянистов, и американских дантологов [Cestaro 2012; Herzman 2015; Nielsen 2011; Rankine 2012; Rossini 2012; Roush 2013; Schiavulli 2012; Stevens 2014]. Книга по итогам 2011 г. получила премию Американской ассоциации италянистов.

За прошедшие годы серьезных критических разборов (исключением является статья Деборы Клайн [Klein 2013]) концепция американского исследователя не получила. Не получила, вопреки высказывавшимся надеждам, дальнейшей разработки и сама тема. В результате – «афроамериканское направление» в современной дантологии представлено исключительно работами Луни. Возвращение к ним в юбилейный год Данте ставит на повестку дня давно назревший вопрос об их критической оценке.

1. Данте в афроамериканской литературе XIX в.

Луни выделяет 4 периода освоения афроамериканцами наследия Данте и дает им названия, которые в разные периоды американской истории использовались белыми по отношению к темнокожему населению страны и которые последнее использовало в качестве самоназвания: «цветной Данте», «негритянский Данте», «черный Данте» и «афроамериканский Данте». С точки зрения исследователя, все этапы носили явно выраженный политический смысл и определялись уровнем самосознания темнокожих писателей. Тезис, который во вто-

рой своей части не вызывает возражений, в ходе разработки получает спорное утверждение: Данте, доказывает Луни, – это та фигура белой культуры, которая способствовала росту аболиционистского сознания цветных.

Содержание каждого из этапов Луни выстраивает на основании собранных примеров, которых – надо сразу отметить – немного. Идейную направленность первого – «цветного Данте» – определяют два: упоминание имени Данте в творчестве Уильяма Уэллса Брауна (1814 (?) – 1884), известного аболициониста и писателя, и анализ стихотворения «Данте» Генриетты Корделии Рэй (1852–1917).

Браун, сын темнокожей рабыни и родственника ее белого хозяина, – самоучка, серьезно расширивший свое образование за счет чтения и жизни в Европе. В книге «Три года в Европе, или Места, которые я повидал, и люди, которых я повстречал» он прямо указывает на Байрона как на источник своих первых сведений о Данте и рассказывает о том, какое сильное впечатление на него произвела картина Дж. Н. Патона «Данте, размышляющий над судьбой Франчески и Паоло». Браун жил в Лондоне в период набирающего популярности движения прерафаэлитов, и ответ их романтически-идеалистического толкования любви поэта хорошо ощутим в его замечаниях: «Никто не может стать великим поэтом, не испытав любви и не потеряв объект своей страсти неким мистическим образом. У Бернса в горах была его Мери, у Байрона – своя Мери, Данте не мог состояться без своей Беатриче» [Brown 1852: 134]. С этим же знаком всепобеждающей любви встречается имя Данте и в главном сочинении Брауна, романе «Клотель: история из Южных Штатов», 1864. Несмотря на смело поставленную расовую проблему, имя Данте аболиционистского духа в нем не несет. Напротив, расовая проблема решалась темнокожим автором в опоре на эстетические условности белой прозы, поэтому имена главных героев оказываются вписанными в длинный ряд знаковых для белой культуры имен. Данте – первый в ряду художников слова, обессмертивших имена своих возлюбленных: «Данте не любил сильнее свою Беатриче, Свифт – свою Стеллу, Уоллер – свою Сакариссу, Голдсмит – свою невесту Джессами, а Бёрнс – свою Мери, чем Джером любил свою Клотель».

Луни, однако, привлекла другая цитата из Брауна. В газетной версии романа, опубликованной в 1860–1861 гг. под названием «Миральда, или Прекрасная квадрунка», скитания раба Джерома соотносятся с изгнанием итальянского поэта: «...сильно бьющимся сердцем, бездомный и нищий, с нависшим над ним приговором, он ступил на путь Данте, ...когда [тот] брел из города в город в поисках пристанища без единого спутника, кроме семи песен его поэмы» [Looney 2011: 53]. Это предложение, не воспроизведенное, кстати, в книжной версии романа 1864 г., служит для далеко идущих исследовательских выводов – о судьбоносном влиянии Данте на темнокожего автора (методологию исследования, приводящего к таким выводам, разбирает Клайн).

В отличие от Брауна, занимающего важное место в истории афроамериканской литературы [Панова 2014: 346–356], Корделия Рэй – фигура малоприметная. Но для идеологически заряженной концепции Луни именно Рэй как цветной автор первого текста, целиком посвященного Данте, представляет особый интерес – ей, помимо книги, исследователь посвящает несколько статей [Looney 1999, 2012, 2017]. В отличие от Брауна, беглого раба, выкупленного с помощью английских покровителей, Рэй рабства не знала. Ее отец, протестантский священник и издатель журнала «The Colored American», родился свободным и трем своим дочерям дал университетское образование. Корделия училась в языковой школе и закончила университет Нью-Йорка, получив степень магистра. Ее перу принадлежит книга воспоминаний об отце и два поэтических сборника: «Сонеты» (1893) и «Стихотворения» (1910). В последний входит стихотворение, посвященное Данте (1885).

Не только в критериях XIX в., но и в критериях XX в. мы имеем дело с необычной цветной семьей. Обращение Корделии к имени Данте нельзя рассматривать как характерное или начальное явление в освоении афроамериканцами наследия Данте. В задаваемом Луни «цветном» контексте оно, как и ссылки на Данте у Брауна, имеет отношение не столько к формированию собственно афроамериканской традиции усвоения имени Данте, сколько к общему интересу американцев к его фигуре.

До начала эпохи Байрона Данте на американском континенте был практически неизвестен. Однако его первой широкой известности в США способствовали не только общеевропейский интерес романтиков к средневековой, итальянскому языку и литературе [Fazzon 2006], но и английские предприимчивость и любовь к готической традиции [Gaudenzi 2008]. В 1828 г. по инициативе Фрэнсис Треллоп, английской писательницы, приехавшей в США для решения своих финансовых проблем, в музее восковых фигур в Цинциннати, Огайо, была открыта комната ужасов под названием «Дантовский ад». Атракцион получил широкую популярность и послужил образцом для многочисленных повторений [Looney 2011: 15–22; Looney 2017: 98–99]. Другими словами, задолго до того, как итальянский поэт станет объектом серьезного научного изучения в академической среде США в 1840–1860-х гг. (Гарвард, бостонцы) и покорит Новый свет в переводе Лонгфелло, связка Данте-ад прочно вошла в массовое сознание американцев.

Если в первые десятилетия XIX в. сведения о Данте распространялись преимущественно под влиянием англичан, к середине века ситуация заметно усложнилась. Быстрому знакомству с Данте способствовали гражданский раскол и определенное сходство политических ситуаций двух стран. Обе – Италия и Америка, находясь в состоянии войны (одна освободительной, другая гражданской), – мечтали об объединении в рамках одного государства, и для обеих Данте оказался необычайно актуален как образец поэта-гражданина, отстаивавшего идеи национального единения и сильного государства. Хронологическая дистанцированность позволяла пренебречь всем исторически-конкретным во имя обобщающе-универсального и создала почву для противоречивых политических прочтений: южане использовали Данте в борьбе за южные интересы, против конфедеративного национализма; северяне рассматривали Данте как либерального националиста, выступающего за объединение. К моменту окончания Гражданской войны Данте стал важной фигурой для всех штатов [Matthews 2012: 19].

Опыт интенсивного усвоения Данте, особенно сквозь призму социополитических проблем середины XIX в., приводит к тому,

что к 1880-м его имя больше не требует объяснений, оно освоено в целом ряду сопутствующих понятий, имен и определений: патриот, обличитель, изгнанник, провидец, Беатриче, Флоренция, ад и пр. Оно визуально закреплено в иллюстрациях Доре, опубликованных в Америке в 1863 г.; утверждено в переводе, выполненном самым популярным и авторитетным американским поэтом середины XIX в. Генри Лонгфелло как образец зрелости самой американской литературы; с конца 1820-х гг. введено в систему обучения Гарварда; популяризировано в образцах площадной культуры. Наконец, оно вместе с аллюзиями на «Божественную комедию» активно используется американскими проповедниками и журналистами, среди которых особая роль принадлежит женщинам [Fazzon 2006]. На рубеже столетий новому витку интереса к Данте в США способствуют потоки итальянских иммигрантов.

Опыт такого усвоения имени Данте и демонстрирует достаточно объемное стихотворение Корделии Рэй (52 стиха). В нем афроамериканская поэтесса отталкивается от мотивов, заданных Байроном, и собирает все клишированные представления о Данте своего времени: «редкий средневековый дух», «задумчивый провидец», «великий одинокий поэт», «поднимающийся к божественным высотам», голос которого «гремит, подобно раскатам грома сквозь пелену веков», познавший несправедливость своей «возлюбленной Флоренции», выступавший «против законов кровавой войны и без страха обличавший фальшивые указы королей, завоевателей, пап и кардиналов» (ст. 1–5, 14–19).

Характеристика Данте построена на сочетании банальностей и элементов политической риторики (ст. 16–18), которые Луни интерпретирует как «юридический словарь аболициониста» [Looney 2017: 96]. Краткий пересказ содержания «Божественной комедии» Рэй завершает мыслью об успокоении души в Боге как своем высшем благе и ставит под сомнение, если не полностью снимает, политическую заряженность образа Данте в начальных стихах:

And now, O lonely Spirit, brooding Seer!
So long in conflict, weary with unrest,
Within the beatific realms above,
Bathed in that Light Ineffable thou dwell'st,
O yearning Soul, at last, at last in peace! (ст. 48–52)

(«И теперь, о одинокий Дух, задумчивый Провидец! / Так долго пребывавший в борьбе, уставший от волнений, / В блаженных царствах наверху, / омывшись в том Невыразимом Свете, ты живешь, / о томлящая Душа, наконец, наконец, в мире!»)

Повторяемость приемов, пафосность и обилие клише, с одной стороны, а с другой – христианская трактовка образа поэта делают стихотворение Рэй откровенно слабым, лишенным художественной или содержательной оригинальности. Не заметить посредственность текста не мог и Луни. В статье 1999 г. он писал о сочинении Рэй как о «ничем не примечательном, хотя и высокопарном стихотворении, ...дающем стереотипный образ Данте», «в котором нет никакого „цветного“ оттенка» [Looney 1999: 276–277]. В дальнейшем, однако, вписывая этот текст в концепцию усвоения Данте афроамериканцами, исследователь существенно меняет свои оценки: «Если я определяю портрет поэта, предложенный Рэй, „цветной Данте“, я имею в виду, что это Данте, созданный по определенному культурному образцу, который сформировал саму Рэй, ...отца Рэй... и других ведущих активистов в борьбе с несправедливыми законами, допускавшими рабство в большей части Америки XIX века» [Looney 2016: 110–111]. В 2017 г. стихотворение Рэй уже охарактеризовано как «великолепный образец текста XIX века, который... выдвинул на передний план расовый вопрос». «Рэй, – разъясняет свою новую позицию Луни, – представляет Данте аболиционистом, сражающимся за равенство всех жителей Флоренции: интеллектуала, который больше напоминает юриста-борца за конституционные права, чем страдающего от любви поэта, каким его обычно представляли в американской литературе XIX века» [Looney 2017: 95–96].

Направленность изысканий Луни очевидна – придать тексту, написанному цветным поэтом, политический смысл. Если это не удастся сделать за счет содержания, американский исследователь делает его таковым за счет окружения автора или, отталкиваясь от лексики 3-х из 52-х стихов и используя понятие «аболиционист» не в его конкретно-историческом, а в самом широком смысле, называет аболиционистом самого Данте.

2. Данте в афроамериканской литературе первой половины XX в.

Период, охватывающий первую половину XX в., концептуально построен на основе трех примеров: упоминание имени Данте в списке писателей, обязательных для чтения, у Уильяма Дюбуа; минутная вставка из итальянского фильма «Ад» (режиссеры Ф. Бертолини, А. Падована и Дж. Де Лигурио, 1911) в фильме Спенсера Вильямса «Спускайся на землю, смерть!» («Go down, death!», 1944) и аллюзии в романе Ральфа Эллисона «Невидимка» («Invisible Man», 1952); еще два (О. Додсон и Р. Райт) упомянуты вскользь. Стремление американского исследователя связать эти примеры единой идеологической нитью – «негритянский Данте» – вступает в противоречие с самим материалом. Примеры, на наш взгляд, говорят о другом.

Для темнокожего автора XIX в. обращение к Данте являлось, как справедливо писал сам Луни, «своеобразным пропуском в клуб белых» [Looney 1999: 277], или, на языке Э. Саида, способом продемонстрировать свою способность приобщиться к культуре угнетателей. В результате ученический способ взаимодействия с именем итальянского классика, когда Данте встраивается в длинный ряд знаковых для европейской культуры имен, как у Брауна, или обрастает самыми банальными клише, как у Рэй, явно преобладает над творческим. Освоение базового кода угнетателей, частью которого является Данте, имел в виду и Дюбуа, когда в начале XX в. в полемике с Букером Т. Вашингтоном отстаивал необходимость либерального, а не практико-ориентированного образования для черных. Задолго до Саида Дюбуа понял, что у сообщества бывших рабов, если оно стремится к легитимизации в «большой культуре», другого пути просто нет. Вместе с тем, понимая также, что освоение этого кода не может стать уделом многих, Дюбуа горячо отстаивал идею формирования афроамериканской элиты как необходимого условия обретения равенства с белыми.

У Данте в западноевропейской культуре действительно особая роль. С одной стороны, он является ключом к ее «золотым кладовым», что делает средневекового поэта приятельным для деятелей малых сообществ. С другой – сложность его семиотического языка значительно сужает круг способных его

освоить. И в «большой» культуре, и особенно в «малой» он остается поэтом для «талантливой десятой части» общества, как называл элиту Дюбуа. Сложность Данте неизбежно делает его не только писателем для «высоколюбых», но и вызывает стремление упростить, освоить в понятных конструкциях и концептах, адаптировать к своей системе ценностей. Не случайно у каждой национальной культуры или сообщества свой Данте. Афроамериканцы сумели «освоиться» с итальянским поэтом только к середине XX в. Именно тогда они обрели своего Данте, создателя яркого и устрашающего образа ада со строгой иерархией моральных преступлений. Такой Данте соотносился и с наивными формами христианской культуры, в которых она существовала среди темнокожих американцев, и с «адским опытом» пережитого рабства. Фильм Вильямса обозначил направление этого движения к средневековому поэту, роман Эллисона выявил его потенциал для решения «черных проблем».

Немало страниц посвящает Луни анализу фильма Вильямса «Спустишься на землю, смерть!» с тем, чтобы доказать, что темнокожий режиссер «совершенно новаторски использует образ Данте», намеренно оставляя в целиком черном фильме (снятом при участии только темнокожих актеров и рассчитанном на темнокожую аудиторию южных штатов) единственную белую фигуру – самого поэта [Looney 2016: 115]. Однако попытки задать фильму смыслы, которых он не имеет, заводят исследователя в тупик. Луни дважды проговаривается о том, что обращение к старому итальянскому фильму, как и к другим фильмам, своим и чужим, было вызвано «скромным бюджетом» [Looney 2016: 117], и, в конце концов, вынужден признать, что цитаты из «Ада» использованы совсем не для решения расовых проблем.

В центре внимания Вильямса – и это единственное, с чем можно согласиться, – проблема противостояния добра и зла, как она виделась в условиях американской жизни 1940-х. Герой, темнокожий владелец популярного в своем городке бара, давно живущий по законам наживы, а не Христа, не намеренно, но закономерно – в логике создателя фильма – совершает тяжкое преступление – убивает воспитавшую его женщину-негритянку. Муки совести рису-

ют ему картины адских мук как неминуемого возмездия всем грешникам. Эта идея – а не художественно обыгранная аллюзия на Данте – реализуется с помощью образов-фрагментов, заимствованных из итальянского фильма. Голова Люцифера, пожирающего Иуду, показанная крупным планом в начале и в конце сцены, воплощает самые страшные предчувствия героя.

Отличие от наивного в идейном и художественном отношении фильма Вильямса, роман Эллисона – общепризнанный шедевр афроамериканской литературы и по глубине и неоднозначности поднятых социальных проблем, и по многообразию использованных техник и стилей. Отсылка к Данте встречается в прологе романа, где безымянный темнокожий герой рассказывает о своем «вхождении» в музыку Армстронга, которое было, «подобно спуску Данте в ад». Смена музыкальных ритмов порождает в сознании героя образы-картины из жизни его народа, каждая из которых, словно спуск в очередной круг «черного ада», «чернее которого нет ничего». Аллюзия на Данте усилена не за счет сходства картин мучений – у Эллисона физические мучения заменены душевными, а за счет сходства поведения рассказчиков: герой Эллисона, подобно Данте в «Божественной комедии», останавливается, чтобы послушать историю старой негритянки, обратившей на себя внимание своими стенаниями. Отсылка к V песне «Ада», встрече с Франческой да Римини, позволяет Эллисону увидеть «белую» и «черную» истории любви в новых смысловых проекциях. Рассказ о трагической любви превращается в рассказ об извращенных рабством чувствах: рабыня, рожая сыновей от своего хозяина, полюбила его, а когда те, став взрослыми и не выпросив свободы, задумывают его убить, спасает детей, отравив их отца-хозяина. В этой музыке-аду любовь сплетается с ненавистью, стоны с истерическим смехом, а «то, что любят больше всего на свете» – свободу – даже не могут описать, ибо во имя нее готовы идти на преступление, но что она такое на самом деле не знают. Вместе с тем то, что делает обращение Эллисона к Данте творчески оригинальным и неподражаемо афроамериканским – слияние ритмов хот-джаза и мотивов спиричуэлс с картинами рабского ада, дальнейшего развития не получило.

Луни пытается доказать, что Данте сопровождал афроамериканцев на протяжении всего их длительного пути обретения самостоятельности в лоне американской культуры. Он был тем поэтом, который не просто вдохновлял, но формировал их движение к идентичности. С этим трудно согласиться. Если в XIX в. имя Данте могло вызвать у образованных афроамериканцев определенный интерес под влиянием общего увлечения американцев его фигурой, в первой половине XX в. ситуация оказалась принципиально иной. Первая половина века прошла для афроамериканцев под знаком напряженных поисков своего места в американской культуре, в спорах о путях сосуществования рас, и Данте занимает далеко не центральное место в этих процессах.

Пьеса Оуэна Додсона «Божественная комедия» (1938), в которой мы не нашли иных аллюзий на Данте, кроме названия, лишнее тому подтверждение. Название, однако, носит, скорее всего, иронический характер, так как соотносится не с текстом Данте, а с образом ложного проповедника по имени Божественный отец (Divine Father), которого все принимают за нового духовного вождя. Пьеса передает самоощущение людей 1930-х гг., зажатых нищетой, безвыходностью, отчаянием и ищущих опоры в единении. Потерявшие Христа, в своей слепоте и беспомощности они алчут новой духовной опоры. Хотя на сцене представлены преимущественно образы черных, хор одетых в лохмотья бедных состоит из негров и белых: «We are the man underfoot, too. / The same as you» («Мы такие же растоптанные, как и вы»), – поют белые. Поэтика пьесы скорее роднит ее с поэтикой европейского символистского театра, чем собственно с Данте. К слову, в речи персонажей активно используется цвет – фиолетовый, зеленый, синий, красный, – но к цветовому символизму Данте он отношения не имеет.

На фоне примеров 1920-х – 1940-х гг. качественно иными выглядят скрытые отсылки к Данте в романе «Долгий сон» Ричарда Райта («The Long Dream», 1958). Историками афроамериканской литературы не раз была отмечена принципиальная значимость для творчества писателя образа огня. Его можно встретить в стихах и рассказах 1930-х гг., в романе «Черный» (1945). В этих работах, как отмечается,

«огонь символизирует скрытую внутреннюю силу или адски невыносимую среду, которая в любой момент может взорваться все разрушающей агрессией или ненавистью» [Ward & Butler 2008: 322]. В конце 1950-х гг. образ обретает новый потенциал: будучи развернутым в масштабной сцене пожара, он становится кульминационным событием в романе, эмоционально предельно напряженным в том числе за счет мастерски вплетенных аллюзий на «Ад» Данте. «Клубы адского дыма», «кружащиеся людские тени», «нагромождение человеческих тел», «вмерзшие в дверные проемы люди» – такие отсылки к Данте придают сцене пожара знаковый характер, культурную глубину и сильное по своей выразительности обобщение.

Между упоминанием Данте у Дюбуа, ранней пьесой Додсона и фильмом Вильямса, с одной стороны, и романами Эллисона и Райта, с другой – большой культурный разрыв, в том смысле, что он демонстрирует дистанцию, которую афроамериканская литература проделала за первую половину XX в. Если под аллюзией понимать не обычный стилистический прием, а творческую свободу взаимодействия с чужим литературным наследием, то первые аллюзии на Данте в творчестве афроамериканских писателей появляются в 1950-е, т. е. только тогда, когда опыт поиска своей расово-культурной самобытности оказался в определенной мере пережитым, когда культура черного сообщества обрела свой голос и способы взаимодействия с культурой белых.

Это позволяет оспорить один из главных тезисов Луни. С нашей точки зрения, освоение Данте афроамериканцы начали не в середине XIX в., а век спустя – во второй половине XX в. Именно тогда на смену эпизодическим и подражательным попыткам взаимодействовать с его именем приходят свобода и понимание того, чем черному автору может быть полезен классик белой культуры. Появляется Данте, творчески переработанный и усвоенный в формах, органичных не для белой культуры, а для своей, черной.

3. Данте в афроамериканской литературе 1950-х – 1980-х

Кажется совершенно очевидным, что нельзя выстраивать периодизацию на единичных

примерах, однако американского исследователя это не смущает. Концепция «черного» Данте, периода с конца 1950-х и до середины 1970-х, держится на одном романе Амири Бараки (Лероя Джонса) «Устройство дантова ада» («The System of Dante's Hell», 1965). Единичный пример получает статус явления, а широкие обобщения возникают не за счет анализа текста, а за счет переноса на него характеристик политического процесса или особенностей всего творчества писателя. «Во время Черной революции, – пишет Луни, – Данте сохраняет свой потенциал в качестве сильного примера деятельной позиции и борьбы за освобождение, как видно из ранних работ Лероя Джонса, который использует средневекового поэта для выражения нового типа воинствующей черной идентичности» [Looney 2011: 107]. Политическая позиция Амири Бараки действительно отличалась воинственным черным сепаратизмом, однако к реминисценциям из Данте это отношения не имеет. Кроме того, «из ранних работ» отсылки к Данте есть только в первом романе.

Барака познакомился с текстом «Божественной комедии» в университете, где, по его словам, у него сформировалась «интеллектуальная любовь» к средневековому поэту [Baraka 1997: 75]. О Данте Барака вспомнит много лет спустя, когда, обратившись от поэзии к прозе, станет искать форму для своего первого романа. Роман был задуман как «путешествие по памяти», когда автор, как он сам признается, стремился настолько углубиться в свою психику, что не всегда обращал внимание на смысл слов. Так появился текст, в котором жесткая структура соединялась со слабо структурированной стилистикой. Барака как будто балансирует между Данте и Джойсом. Двадцать эпизодов из жизни героя, зажатого в тиски раздвоенности между желанием дистанцироваться от своих корней и стремлением принять свою черную сущность, «смонтированы» с помощью Данте и оказываются девятью кругами, по которым герой спускается в глубины своего сознания. Как признается сам Барака, «столь глубокое погружение в себя напоминало спуск в ад», а концом долгих и слепых блужданий по закоулкам сознания стало «приближение к собственному голосу» [Baraka 1997: 246] – и в смысле осознания своей культурно-расовой

идентичности, и в смысле экспериментирования со стилем.

Взаимодействие с дантовским текстом очень свободное: Барака не сохраняет ни архитектуру первой кантики «Божественной комедии», ни ее топографию или символику, ни последовательность кругов или иерархию прегрешений. Структуру его «ада» отражает оглавление книги, в котором названия фрагментов частично отсылают к определенным песням первой части «Божественной комедии» (напр., «Язычники», «Похотливые», «Ров 5»), частично представляют собой новые вариации («Скупщики и соблазнитель», «Жестокие по отношению к себе»). Заимствование элементов дантовского «Ада» происходит выборочно и заключено только в названиях, однако появляющихся ассоциаций достаточно, чтобы в отдельных фрагментах возникало сильное напряжение за счет разницы между дантовским текстом и опытом «черной» жизни. Наиболее показательным с этой точки зрения является 6-й круг «Еретики», самый глубокий у Бараки, – фрагмент, в котором рассказывается о негре, устыдившемся собственных корней и пытающемся подражать белым.

Глория Нейлор выстраивает совсем иную стратегию взаимодействия с дантовским текстом. Ее роман «Липовые холмы» («Linden Hills», 1985) представляет четвертый, «афроамериканский» период (1980-е – наше время). В отличие от всех предыдущих примеров, этот роман выстроен на сложной системе переключек с дантовым «Адом»: он обыгрывает его топографию, систему персонажей, детали, аллегорические смыслы и даже, как показывает Луни, строфику.

Липовые Холмы – это фешенебельный квартал успешных черных американцев, куда в поисках работы попадают два молодых человека. Вилли и Лестер, подобно Данте и Вергилию, помогают читателю увидеть истинную сущность жизни в этом «раю для черных». Улицы района образуют восемь символических «кругов», спускающихся к кладбищу и жилищу самого Люцифера – дому владельца квартала Лютеру Недиду у подножия холма, окруженному, как и у Данте, замерзшим озером. Здесь, как и в дантовом аду, есть своя иерархия: чем богаче и респектабельнее семья, тем ближе она селится к подножию холма. Каждый мечтает

продвинуться вверх по социальной лестнице, что в пространстве Липовых Холмов ведет к передвижению вниз, ближе к Люциферу-Недиду. Погоня за материальным и приверженность ассимиляционистским устремлениям лишают жителей Липовых Холмов чувства единства, приводят к утрате своих исторических корней; внешнее благополучие оборачивается тяжелыми душевными переживаниями: этих людей терзают зависть, алчность, нескончаемая погоня за деньгами и озабоченность о необходимости не потерять свой статус. Практически все аллюзии носят зеркально перевернутый характер. Таковы, прежде всего, образы Липовых Холмов – конусообразная архитектура дантова ада у Нейлор получает форму перевернутой латинской V, и его обитателей – если у Данте души белых грешников мучаются в темной преисподней ада, то у Нейлор души темнокожих людей терзаются в благосостоятельном «черном раю», устроенном по белому образцу. В результате дантовские аллюзии позволяют афроамериканской писательнице не только показать в новом ракурсе проблему расовой идентичности, но и вывести размышления о духовном вырождении человека в современном мире на самый широкий нравственно-философский план обобщения.

«Божественная комедия» – не единственный текст, с которым Нейлор вступает в диалог в этом романе. Интертекстуальность – отличительная черта всего творчества афроамериканской писательницы, которая широко использует в своих романах «осевые» тексты белой и черной культурных традиций: Библию, Шекспира, У. Уитмена, Т. С. Элиота, У. Дюбуа, М. Л. Кинга и других. Включая заимствованные элементы в новый культурно-исторический контекст, она подвергает их глубокому переосмыслению, за счет чего добивается высокой экспрессивности и глубокой смысловой наполненности собственных произведений. Многообразие интертекстуальных техник [Жлобо 2012] свидетельствует не только о мастерстве Нейлор-писательницы, но и о зрелости самой афроамериканской литературы.

Луни справедливо рассматривает обращения к Данте как инструмент политического взаимодействия афроамериканцев с белой культурой, однако трудно согласиться с иссле-

дователем, когда он подчиняет историю этого взаимодействия истории негритянского движения в США. Обращение к имени или использование аллюзии – это художественные приемы, и, с нашей точки зрения, даже при наличии в них политических смыслов их потенциал и возможности определяются не политическими процессами, а зрелостью самой литературы. Это позволяет не только Бараку и Нейлор, но и Эллисон и Райта рассматривать как явления одного порядка. По характеру взаимодействия с итальянским классиком, точнее – по степени свободы в обращении с белым наследием для решения своих «черных» творческих задач, рядом с ними можно поставить также Тони Моррисон и Дадли Рэнделла.

Три упоминания имени Данте в романе Моррисон «Самые синие глаза» («The Bluest Eye», 1970) имеют отношение к персонажу по прозвищу поп Мыльная Голова. В романе дается довольно подробная его история и характеристика. Мыльная Голова – цветной, представитель тех людей смешанной крови, которые давно «отделили свои тело, разум и дух от Африки» и, веруя в цивилизационную избранность и превосходство белой расы, жадно приобщались к плодам ее образования и культуры. Данте, тот, кого герой «любил больше всего», – один из ее знаковых фигур, ценность которой для носителей другого цвета кожи ставится под сомнение. Его учение, «упорядочившее виды зла и гниения», обладает космической стройностью, однако для человека небелой расы оно, как и другие образцы европейской культуры, дает не знание Христа и твердые моральные истины, а обрывки каких-то идей, не дающие человеку нужной опоры. В результате перед нами герой-выродок: не черный и не белый, священник, ставший шарлатаном; человек, бессердечно и цинично воспользовавшийся доверчивостью 12-летней девочки, чтобы ее руками убить досаждающее ему старое животное. Смерть собаки окончательно убивает саму девочку – она теряет рассудок.

Как имя-знак высокой белой культуры использует Данте и Рэнделл. В стихотворении «Моя муза» («My Muse», 1980) поэт выстраивает ряд возлюбленных-муз, имена которых связаны с известными художниками: каталовская Лесбия, шекспировская Смуглая леди, дантов-

ская Беатриче, Аннабел Ли Эдгара По. Возлюбленная лирического героя, «моя Заша», его замыкает:

“To me you are Catullus's Lesbia,
Shakespeare's Dark Lady,
Dante's Beatrice,
Poe's Annabel Lee,
My Zasha”.

На первый взгляд, все, как у Брауна: имя возлюбленной вписано в ряд знаковых имен классической литературы, что сразу наделяет образ статусом культурной возвышенности – Заша из обычной женщины превращается в музу, само существование которой способствует рождению поэзии. Однако дальнейшая разработка темы носит подчеркнуто полемический характер. Рэнделл отталкивается от «схемы» Шекспира и его 130 сонета, где образ темноволосой красавицы создается в оппозиции петраркистскому канону. Повторяя традиционный мотив ренессансной любовной поэзии о том, что в стихах красота сохраняется навечно, Рэнделл – с явной аллюзией на Шекспира, а не на Данте – утверждает ее противопоставленность белому образцу: его Заша – темная, «с темным лицом, темным голосом, с узкими, раскосыми и блестящими глазами», «с телом высокой худой танцовщицы» («Zasha, of the tall slim dancer's body, / The dark face, / The dark voice, / The narrow, side-long-glancing eyes»). Заключительная строфа, ставящая логический и эмоциональный акцент в развитии темы, построена в полемике с еще одним обязательным компонентом возрожденческой лирики – поэтизацией добродетелей красавицы. «Моя Заша – сам дьявол», – утверждает Рэнделл и с помощью антиэстетических и подчеркнуто неженственных деталей завершает образ, который теперь выглядит как полная противоположность возвышенным белым музам: «она изрыгает непристойности, когда ее о чем-нибудь спрашивают, и носит нож мясника в своей сумочке» («My Zasha, / She Devil, / Who spews forth filth when she is questioned, / And carries a butcher knife in her purse»).

Как видим, афроамериканский Данте может заключать в себе и идею культурной статусности, и идею морального разложения, и идею равенства с белыми, и идею культурного сепаратизма. Однако с обретенной творческой свободой взаимодействие афроамери-

канской культуры с западной через посредничество Данте получает иной характер: Данте нужен не для того, чтобы открыть к ней доступ, он оказывается способом ее отрицания и декларации своей культурной самобытности.

Заключение (Данте в афроамериканской литературе 1990-х – нашего времени)

Как бы ни пытался Луни убедить в существовании двухвековой традиции обращения черных авторов к фигуре Данте, дефицит «материала» говорит сам за себя. Примеры есть, а традиция складывается лишь во второй половине XX в. Не выдерживает критики и попытка увязать любые примеры использования имени или текста Данте, руководствуясь политическими, а не исследовательскими мотивами. Еще больший скепсис вызывает стремление представить Данте чуть ли не одной из ключевых фигур в процессе становления идентичности афроамериканцев. Пройдя путем Луни и проанализировав собранные им примеры, убеждаешься, что у них другая логика.

В общих чертах она соответствует истории развития афроамериканской литературы. В XIX в. ярко проявляется стремление темнокожих авторов соответствовать требованиям европейской образованности, что обусловило подражательность, религиозный консерватизм и отсутствие какой-либо творческой свободы в обращении с именем Данте. Отставание черной литературы от белого мейнстрима, ощущаемое вплоть до конца 1940-х, сказывается и на попытках освоить классическое европейское наследие. Только когда долгий период ученичества был преодолен, и черная литература перешла на качественно иной уровень своего развития, ей удалось перейти и на новый уровень взаимодействия с Данте, как, впрочем, и с другими европейскими классиками. В середине XX в. ее заинтересовал созданный итальянцем образ ада, в котором черные писатели нашли богатый потенциал для решения своих проблем. Здесь, собственно, и возникает

ет «афроамериканский Данте». «Ослабление пассионарности» (Панова) и встраивание афроамериканской литературы в постмодернистскую парадигму в 1980-е гг. придало ему новые черты: за интерпретацией «Ада» сквозь призму проблем черной самобытности и ассимиляционизма стали проглядывать общечеловеческие проблемы современного буржуазного мира. Осознание своей самоценности позволило изменить и характер взаимодействия с именем: во второй половине XX в. оно – знак культуры, которой себя сознательно противопоставляют.

Примерно с 1990-х, с того момента, как афроамериканская литература пошла общей дорогой с современной западной культурой, стала намечаться и еще одна тенденция: из литературы Данте все больше перемещается в сферу искусства – джаз («Ад» Шермана Ирби в исполнении танцоров театра Алвина Эйли, 2020) и творчество рэперов. Это взаимодействие уже не с дантовским текстом, а с его элементами – образами, сюжетами, мотивами, – которые закрепились в широком сознании как имеющие к нему отношение. Другими словами, это взаимодействие не с явлением, а с тем следом, которое оно оставило в культуре.

Назвать это тенденцией, характерной только для афроамериканской культуры, нельзя. В истории восприятия Данте есть достаточно длинный перечень тем, сюжетов, мотивов, которые развили свою семантическую автономию и с которыми взаимодействуют современные деятели культуры, часто даже не имеющие представления о специфике текстов итальянского поэта (см., например, [Njama 2014]). Канадский исследователь А. Януччи назвал это «творческим восприятием» [Iannucci 1997]. С приходом медиа по этому пути, пути переписывания, трансформации и пересоздания, идет вся современная культура. Данте давно стал материалом творческой и вульгарной переработки для деятелей культуры и геймеров. Но это, собственно, уже тема для другого исследования.

Литература

- Жлобо, Н. Э. Принцип интертекстуальности в творчестве Глории Нейлор : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жлобо Н. Э. – Минск : [б. и.], 2012. – 25 с.
- Лебедева, Е. Д. Первые переводы «Божественной комедии» Данте. Россия. Англия. Америка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лебедева Е. Д. – М. : [б. и.], 1996. – 27 с.
- Панова, О. Ю. Негритянская литература США 18 – начала 20 века: проблемы истории и интерпретации : дис. ... д-ра филол. наук / Панова О. Ю. – М. : [б. и.], 2014. – 787 с.

- Панова, О. Ю. «Рожденная революцией»: афроамериканская литературная теория и наследие эпохи шестидесятых / О. Ю. Панова // *Литература и революция. Век двадцатый* : сб. Вып. 4. – Москва : Литфакт, 2018. – С. 315–330.
- Baraka, A. *The Autobiography of LeRoi Jones* / A. Baraka. – New York : Lawrence Hill Books, 1997. – 496 p.
- Brown, W. W. *Three Years in Europe: Or, Places I Have Seen and People I Have Met by W. Wells Brown, a fugitive slave* / W. W. Brown. – London : Charles Gilpin, 1852. – 312 p.
- Cambon, G. Dante's Presence in American Literature / G. Cambon // *Dante Studies*. – 2000. – Vol. 118. – P. 217–242.
- Cestaro, G. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / G. Cestaro // *Speculum*. – 2012. – Vol. 87, No. 3 (July). – P. 900–901.
- Dante in the Long Nineteenth Century: Nationality, Identity, and Appropriation / ed. by A. Audah and N. Havelly. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2012. – 400 p.
- Fazzion, G. E quindi uscimmo a riveder le stelle e le strisce / G. Fazzion. – Text : electronic // 30 giorni. – 2006. – No. 5. – URL: https://www.30giorni.it/articoli_id_10476_1i.htm (mode of access: 07.05.2022).
- Gaudenzi, C. Dante's Introduction to the United States as Investigated in Matthew Pearl's *The Dante Club* / C. Gaudenzi // *Italian Culture*. Vol. 26. – Michigan State University Press, 2008. – P. 85–103.
- Herzman, R. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / R. Herzman. – Text : electronic // *Medievally Speaking*. – 2015. – URL: <http://medievallyspeaking.blogspot.com/2015/06/looney-freedom-%20readers.html> (mode of access: 07.05.2022).
- Iannucci, A. Introduction / A. Iannucci // *Dante: Contemporary Perspectives* / ed. by A. Iannucci. – University of Toronto Press, 1997. – P. 4–22.
- Klein, D. L. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / D. L. Klein // *Christianity & Literature*. – 2013. – Vol. 62, No. 4. – P. 619–623.
- La Piana, A. *Dante's American Pilgrimage: A Historical Survey of Dante Studies in the United States, 1800–1944* / A. La Piana. – Kraus Reprint Co, 1973. – 310 p.
- Looney, D. Dante Abolitionist and Nationalist in the Nineteenth Century: The Case of Cordelia Ray / D. Looney // *Dante in the Long Nineteenth Century: Nationality, Identity and Appropriation* / ed. by A. Audah and N. Havelly. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2012. – P. 284–304.
- Looney, D. Dante Alighieri and the Divine Comedy in Nineteenth-Century America / D. Looney // *The Routledge History of Italian Americans* / ed. by W. J. Connell, S. G. Pugliese. – New York : Routledge, 2017. – P. 91–104.
- Looney, D. Dante in Black and White: Moments in the African-American Reception of the Divine Comedy / D. Looney // *Shades of Black and White: Conflict and Collaboration Between Two Communities. Selected Essays from the 30th Annual Conference of the American Italian Historical Association. 13–15 November, 1997. Cleveland, Ohio* / ed. by D. Ashyk, F. L. Gardaphe, A. J. Tamburri. – Staten Island ; New York : AIHA Press, 1999. – P. 275–290.
- Looney, D. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the "Divine Comedy" / D. Looney. – Notre Dame, Indiana : University of Notre Dame Press, 2011. – 296 p.
- Looney, D. *L'esilio di Dante nella cultura afroamericana* / D. Looney // *Lecture Classensi 45. L'esilio di Dante nelle letterature moderne* / ed. by J. Bartuschat. – Ravenna : Longo Editore, 2016. – Pp. 105–134.
- Matthews, J. S. *The American Alighieri: receptions of Dante in the United States, 1818–1867* : PhD (Doctor of Philosophy) thesis / J. S. Matthews. – University of Iowa, 2012. – 247 p. – URL: <https://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3086&context=etd> (mode of access: 10.08.2021). – Text : electronic.
- Nielsen, A. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / A. Nielsen // *Renaissance Quarterly*. – 2011. – Vol. 64 (4). – P. 1254–1256.
- Rankine, P. D. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / P. D. Rankine. – Text : electronic // *The Medieval Review*. – 2012. – URL: <https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/tmr/article/view/17493/23611> (mode of access: 10.05.2021).
- Rossini, A. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / A. Rossini // *Quaderni d'italianistica*. – 2012. – Vol. 32 (2). – P. 219–221.
- Roush, Sh. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / Sh. Roush. – Text : electronic // *Comparative Literature Studies*. – 2013. – Vol. 50, No. 4. – URL: https://www.researchgate.net/publication/265772145_Freedom_Readers_The_African_American_Reception_of_Dante_Alighieri_and_the_Divine_Comedy_by_Dennis_Looney_review (mode of access: 10.05.2021).
- Schiavulli, A. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / A. Schiavulli // *L'Alighieri. Rassegna dantesca*. – Ravenna : Angelo Longo Editore, 2013. – P. 171–175.
- Stevens, E. E. Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review) / E. E. Stevens // *Forum Italicum*. – May 2014. – Vol. 48, No. 1. – P. 149–151.
- The Divine Comedy: Heaven, Purgatory and Hell Revisited by Contemporary African Artists* / ed. by S. Njami. – Bielefeld : Kerber, 2014. – 376 p.
- The Richard Wright Encyclopedia* / ed. by J. W. Ward, Jr. & R. J. Butler. – Westport (CT) ; London : Greenwood, 2008. – 472 p.

References

- Audah, A. and Havelly, N. (Eds.). (2012). *Dante in the Long Nineteenth Century: Nationality, Identity, and Appropriation*. Oxford, New York, Oxford University Press. 400 p.
- Baraka, A. (1997). *The Autobiography of LeRoi Jones*. New York, Lawrence Hill Books. 496 p.
- Brown, W. W. (1852). *Three Years in Europe: Or, Places I Have Seen and People I Have Met by W. Wells Brown, a fugitive slave*. London, Charles Gilpin. 312 p.

- Cambon, G. (2000). Dante's Presence in American Literature. In *Dante Studies*. Vol. 118, pp. 217–242.
- Cestaro, G. (2012). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *Speculum*. Vol. 87. No. 3, pp. 900–901.
- Fazzion, G. (2006). E quindi uscimmo a riveder le stelle e le strisce. In *30 giorni*. No. 5. URL: https://www.30giorni.it/articoli_id_10476_11.htm (mode of access: 07.05.2022).
- Gaudenzi, C. (2008). Dante's Introduction to the United States as Investigated in Matthew Pearl's *The Dante Club*. In *Italian Culture*. Vol. 26. Michigan State University Press, pp. 85–103.
- Herzman, R. (2015). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *Medievally Speaking*. URL: <http://medievallyspeaking.blogspot.com/2015/06/looney-freedom-%20readers.html> (mode of access: 07.05.2022).
- Iannucci, A. (1997). Introduction. In Iannucci, A. (Ed.). *Dante: Contemporary Perspectives*. University of Toronto Press, pp. 4–22.
- Klein, D. L. (2013). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *Christianity & Literature*. Vol. 62, No. 4, pp. 619–623.
- La Piana, A. (1973). *Dante's American Pilgrimage: A Historical Survey of Dante Studies in the United States, 1800–1944*. Kraus Reprint Co. 310 p.
- Lebedeva, E. D. (1996). *Pervye perevody «Bozhestvennoi komedii» Dante*. Rossiya. Angliya. Amerika [First Translations of Dante's "Divine Comedy". Russia. England. America]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 27 p.
- Looney, D. (1999). Dante in Black and White: Moments in the African-American Reception of the *Divine Comedy*. In Ashyk, D., Gardaphe, F. L., Tamburri, A. J. (Eds.). *Shades of Black and White: Conflict and Collaboration Between Two Communities. Selected Essays from the 30th Annual Conference of the American Italian Historical Association. 13–15 November, 1997*. Cleveland, Ohio. Staten Island, New York, AIHA Press, pp. 275–290.
- Looney, D. (2011). *Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the "Divine Comedy"*. University of Notre Dame Press. 296 p.
- Looney, D. (2012). Dante Abolitionist and Nationalist in the Nineteenth Century: The Case of Cordelia Ray. In Audah, A. and Havelly, N. (Eds.). *Dante in the Long Nineteenth Century: Nationality, Identity and Appropriation*. Oxford, New York, Oxford University Press, pp. 284–304.
- Looney, D. (2016). Lesilio di Dante nella cultura afroamericana. In Bartuschat, J. (Ed.). *Lecture Classensi 45. Lesilio di Dante nelle letterature moderne*. Ravenna, Longo Editore, pp. 105–134.
- Looney, D. (2017). Dante Alighieri and the *Divine Comedy* in Nineteenth-Century America. In Connell, W. J., Pugliese, S. G. (Eds.). *The Routledge History of Italian Americans*. New York, Routledge, pp. 91–104.
- Matthews, J. S. (2012). *The American Alighieri: Receptions of Dante in the United States, 1818–1867*. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. University of Iowa. 247 p. URL: <https://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3086&context=etd> (mode of access: 10.08.2021).
- Nielsen, A. (2011). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *Renaissance Quarterly*. Vol. 64 (4), pp. 1254–1256.
- Njami, S. (Ed.). (2014). *The Divine Comedy: Heaven, Purgatory and Hell Revisited by Contemporary African Artists*. Bielefeld, Kerbert, 376 p.
- Panova, O. Yu. (2014). *Negrityanskaya literatura SShA 18 – nachala 20 veka: problemy istorii i interpretatsii* [Negro Literature in the USA of the 18th – Beginning 20th Century: The Problems of History and Interpretations]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 787 p.
- Panova, O. Yu. (2018). «Rozhdennaya revolyutsiei»: afroamerikanskaya literaturnaya teoriya i nasledie epokhi sheshtidesyatykh ["Born by the Revolution": African American Literary Theory and the Heritage of the 1960s]. In *Literatura i revolyutsiya. Vek dvadtsatyi: sb.* Issue 4. Moscow, Litfakt, pp. 315–330.
- Rankine, P. D. (2012). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *The Medieval Review*. URL: <https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/tmr/article/view/17493/23611> (mode of access: 10.08.2021).
- Rossini, A. (2012). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *Quaderni d'italianistica*. Vol. 32 (2), pp. 219–221.
- Roush, Sh. (2013). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *Comparative Literature Studies*. Vol. 50. No. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/265772145_Freedom_Readers_The_African_American_Reception_of_Dante_Alighieri_and_the_Divine_Comedy_by_Dennis_Looney_review (mode of access: 10.08.2021).
- Schiavulli, A. (2012). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *LAlighieri. Rassegna dantesca*. Ravenna, Angelo Longo Editore, pp. 171–175.
- Stevens, E. E. (2014). Freedom Readers: The African American Reception of Dante Alighieri and the Divine Comedy by Dennis Looney (review). In *Forum Italicum*. Vol. 48. No. 1, pp. 149–151.
- Ward, J. W., Jr. & Butler, R. J. (Eds.). (2008). *The Richard Wright Encyclopedia*. Westport (CT), London, Greenwood. 472 p.
- Zhlobo, N. E. (2012). *Printsip intertekstual'nosti v tvorchestve Glorii Neylor* [Intertextuality in Gloria Naylor's Creative Activity]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Minsk. 25 p.

Данные об авторе

Якушкина Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и литературы института «Полярная академия», Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 192007, Россия, Санкт-Петербург, Рижский пр., 11.

E-mail: yakuo149@hotmail.com.

Author's information

Yakushkina Tatiana Viktorovna – Doctor of Philology, Professor of English Department of Institute “Polar Academy”, Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 24.09.2021; дата публикации: 29.06.2022

Date of receipt: 24.09.2021; date of publication: 29.06.2022